

ВЛАДИСЛАВ ЗУБОК

дети Ваго

Последняя
русская
интеллигенция

ОГВ

Издательство АСТ
Москва 2026

УДК 929(47+57)
ББК 63.3(2)63-8
З-91

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается*

Vladislav M. Zubok

ZHIVAGO'S CHILDREN: THE LAST RUSSIAN INTELLIGENTSIA

All rights reserved.

Russian translation copyright © AST PUBLISHERS LTD, 2025

Иллюстрация на обложке: Торжественная встреча первого в мире
летчика-космонавта Юрия Гагарина после успешного завершения полета человека
в космос. Демонстрация трудящихся на Красной площади в Москве. 14.04.1961.

© Юрий Абрамочкин / РИА Новости

Иллюстрация на титуле: 14.04.1961. © Валерий Шустов/РИА Новости

Авторизованный перевод с английского языка — *Александр Кан*

Зубок, Владислав Мартинович.

З-91 Дети Живаго. Последняя русская интеллигенция / В. М. Зубок ; перевод с английского А. Кан. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 592+[16 ил.] с.: ил. — (XX век. Люди и судьбы).

ISBN 978-5-17-169949-9

«Дети Живаго» — коллективная история людей, которые формировали культуру, мировоззрение и общественное мнение в России после смерти Сталина. Это не только знаменитые «шестидесятники», такие как Александр Твардовский, Евгений Евтушенко и Владимир Высоцкий, но также их старшие наставники от Ильи Эренбурга до Дмитрия Лихачева, диссиденты Андрей Сахаров и Александр Солженицын, физики и социологи, журналисты и кинематографисты, режиссеры и актеры театра, государственные и партийные работники — все, кто видел себя наследниками русской интеллигенции. Эта книга — о мощной культурной среде, которая ушла в прошлое вместе с Советским Союзом, но продолжает питать и волновать многих из нас.

Объединяющий образ книги — судьба Юрия Живаго из романа Бориса Пастернака, гениальной развернутой эпитафии на гибель русской дореволюционной интеллигенции.

Автор книги Владислав Зубок — выпускник МГУ, профессор международной истории Лондонской школы экономики и политических наук, является автором признанных книг «Коллапс. Гибель Советского Союза» и «Неудавшаяся империя», а его последняя работа «Мир холодной войны» в 2025 году стала финалистом премии Джорджа Оруэлла.

УДК 929(47+57)

ББК 63.3(2)63-8

ISBN 978-5-17-169949-9

© Зубок В.М., текст, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ. ЮРИЙ ЖИВАГО И СУДЬБЫ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	8
1. «ДЕТИ» ВЫРАСТАЮТ	38
Ветераны-идеалисты	40
Студенты послевоенной поры	50
Бунтари и джазмены	57
Смерть Сталина и «оттепель»	64
Об искренности в литературе	72
2. ШОКОВЫЙ ЭФФЕКТ	84
Катарсис и травма	86
«Не хлебом единым»	97
Разгром и «консолидация»	110
Страсти по Живаго	117
3. ПЕРЕОТКРЫТИЕ МИРА	123
Взгляд из-под занавеса	125
Культурный шок	132
Кремль танцует всю ночь	141
Америка и другие миры	157
4. ОПТИМИСТЫ НА МАРШЕ	172
Курс Хрущева и эффект «Спутника»	174
Оптимисты от науки	185

«Честные» журналисты	198
Сила марксизма.....	216
5. ВОЗРОЖДЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	226
Наставники.....	228
В поисках языка.....	235
Новая интеллигенция на сцене и на экране	249
Шагающие не в ногу	257
6. АВАНГАРД В ЗАПАДНЕ	267
«Оттепель» в тисках холодной войны	269
Отцы и дети.....	283
Отрезвление	300
7. ПОИСКИ КОРНЕЙ.....	307
Еврейский вопрос и «оттепель»	309
«Русские патриоты»	322
Интеллигенция, объединяйся?.....	335
8. ОТ РЕФОРМ К ИНАКОМЫСЛИЮ.....	353
Зарождение инакомыслия.....	356
Минное поле прошлого.....	366
Интеллигенция и экономические реформы.....	372
Весна, которая не пришла	385
9. ДОЛГАЯ ДОРОГА В НИКУДА	404
Диссиденты: жизнь по принципам	407
Исход из утопии: эмиграция	422
Поколение без бунтарей и идеалов.....	431
«Плененная интеллигенция»	440

ЭПИЛОГ. КОНЕЦ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.....	461
БЛАГОДАРНОСТЬ ОТ АВТОРА	502
ПРИМЕЧАНИЯ.....	508

ПРОЛОГ

Юрий Живаго и судьбы русской интеллигенции

*Это было при нас.
Это с нами вошло в поговорку,
И уйдет.*

Борис Пастернак.
Девятьсот пятый год

В декабре 1955 года русский поэт Борис Пастернак написал восторженное письмо Нине Табидзе, вдове грузинского поэта Тициана Табидзе, расстрелянного в 1937 году в разгар сталинского террора. Он сообщил ей о только что завершённом романе в прозе: «Вы не можете себе представить, что при этом достигнуто! Найдены и даны имена всему тому колдовству, которое мучило, вызывало недоумения и споры, ошеломляло и делало несчастными столько десятилетий. Все распутано, все названо, просто, прозрачно, печально. Еще раз освеженно, по-новому, даны определения самому дорогому и важному, земле и небу, большому горячему чувству, духу творчества, жизни и смерти»¹. Темы эти самым прямым и трагическим образом были связаны с жизнью самого Пастернака и с судьбами русских интеллигентов и художников в страшные годы русской революции, Гражданской войны, несвободы и террора.

Борис Пастернак родился в 1890 году в Москве в культурной еврейской семье. Его мать Розалия Кауфман была одаренной пианисткой, а отец Леонид Пастернак — известным художником.

Творчество они воспринимали как часть более широкой гражданской и культурной миссии русской интеллигенции. Интеллигенция — культурное явление, сформировавшееся в царской России к концу XIX века, — не представляла собой конкретную социальную группу с четко обозначенными границами и поддающимися однозначному определению характеристиками. Те, кто считали себя интеллигентами, в начале XX века находились, как правило, в оппозиции царскому режиму и приветствовали революцию 1905–1907 годов. Интеллектуалы и люди творческих профессий были убеждены, что с избавлением общества от царского самодержавия наступит эра невиданной свободы творчества². К этой творческой среде относилась и семья Пастернаков. Юный Борис рос в окружении профессиональных музыкантов и художников, писателей и поэтов. С отцом дружили, в частности, Исаак Левитан, Николай Ге, Михаил Нестеров. На музыкальных вечерах матери играли Сергей Рахманинов и Александр Скрябин. Леонид Пастернак был знаком со Львом Толстым и написал один из лучших портретов великого писателя. Как и другие интеллектуалы, художники и студенты начала века, семья Пастернаков ждала социального и культурного освобождения России от царского абсолютизма и власти бюрократии. Многие друзья семьи сочувствовали партии социалистов-революционеров и с одобрением относились к революционному террору. Леонид Пастернак, несмотря на любовь к русской культуре, не хотел отрекаться от своего еврейства и креститься не стал. Но маленький Борис, вместе с глубоко набожной няней Акулиной, ходил на службу в православных церквях³. Там он впитал мистическую византийскую атмосферу старой Москвы — Третьего Рима сотен соборов и церквей, длинных православных литургий, величественных церковных песнопений и аромата свечей и ладана. Поэт на всю жизнь сохранил детскую привязанность к мистике русско-византийской веры, которая много лет спустя станет для него духовным спасением.

Пастернак учился в московской гимназии на Поварской улице в районе Арбата, потом в Московском университете, где

изучал историю и философию. Летом 1912 года он посещал философские курсы в университете Марбурга в Германии, где пережил первый любовный кризис и пробуждение своего поэтического таланта. В августе 1914 года Россия вступила в войну против Германии и Австро-Венгрии. Великая европейская и мировая война сыграла роковую роль для всей Европы и особенно для среды, к которой принадлежало семейство Пастернаков. По мере превращения войны в затяжную кровавую бойню на смену первоначальному патриотическому подъему в стране нарастали оппозиционные настроения. Февральскую революцию и отречение царя в марте 1917 года толпы людей в Петрограде приветствовали как «зарю свободы». Пастернаки, как и многие их друзья, были в эйфории: они верили, что отныне Россия войдет в семью западных демократий и вместе с ними одержит победу в войне. Эти иллюзии не выдержали испытания безвластием и анархией, преступностью, уличным самосудом и экономической разрухой. В октябре 1917 года партия большевиков во главе с Лениным и Троцким свергла преисполненное благих намерений нерешительное Временное правительство и распустила избранное народом Учредительное собрание. Для Бориса Пастернака, преклонявшегося перед героями-народовольцами и эсерами, русская революция была явлением сродни природному катаклизму, пробуждением народных сил и прыжком в неведомое. Но по мере сползания страны в кровавый хаос поэту ничего не оставалось, как думать не о творчестве, а о пропитании. Он покинул опустевшую, голодную, обозленную Москву и прожил зиму у дяди в старинном приокском городке Касимове. В 1922 году, когда жизнь начала нормализоваться, Пастернак завел семью, и наконец смог опубликовать сборник любовной лирики «Сестра моя — жизнь», рожденной еще летом 1917 года. Стихи были написаны новым и свежим языком, с использованием блестящих и оригинальных поэтических форм и метафор. Сборник с восторгом приняли лучшие поэты России, в том числе Анна Ахматова, Марина Цветаева, Осип Мандельштам и Владимир Маяковский.

Укрепляя свою диктатуру, большевики начали рушить основы, на которых покоилась привычная для Пастернака и его друзей культурная среда: свободу творчества, независимые источники финансирования интеллектуальных и художественных начинаний, возможности проявления гражданской солидарности и инакомыслия. В ходе красного террора и Гражданской войны были арестованы, убиты и изгнаны из страны тысячи представителей дворянства, духовенства, буржуазии и образованных профессионалов — всех тех слоев, из которых, собственно, и складывалась русская интеллигенция. Ленин и его соратники пользовались поддержкой левой части интеллигенции и сами были выходцами из этой среды. Вместе с тем они считали интеллигенцию враждебной силой и опасным рассадником идейно-политической оппозиции. Первые годы большевистского правления с его безудержным насилием нанесли сильнейший урон интеллектуальной и художественной жизни России. Особенно тяжкий удар пришелся по дореволюционной столице Петрограду. К 1923 году половина всех членов Российской Академии наук либо умерли, либо эмигрировали, либо были изгнаны режимом. В 1921–1922 годах большевики, опасаясь за свою власть, арестовали многих ярких интеллектуалов, университетских профессоров, философов, экономистов, писателей. Ряд из них были насильственно высланы в Германию⁴. Другие уехали в эмиграцию сами — в их числе и переехавшая в Берлин сестра Пастернака Жозефина. В сентябре 1921 года за ней последовали отец, мать и другая сестра Бориса Лидия. В 1923 году Пастернак гостил у них в Берлине, но затем вернулся в Москву.

Волны арестов не принявших большевизм людей продолжались несмотря на поворот режима к НЭПу, восстановление частного сектора и частной собственности. Первое время казалось возможным оставаться вне политики и сохранять относительную культурную автономию от режима. В то же время многие молодые художники с воодушевлением включились в культурные проекты, поддержанные советским правительством и Народным комиссариатом просвещения, который возглавлял Анатолий Луначарский.

Эти проекты были призваны приобщать массы к культурному «наследию» прошлого, продвигая при этом авангардную культуру. Государственная политика «просвещения» находила поддержку у рабочих, вкусивших плоды знания и жаждущих выразить себя. Участники вновь образованных творческих объединений, как правило, имели влиятельных защитников из старой большевистской гвардии, таких как Николай Бухарин, Луначарский и Георгий Чичерин. Пастернак и многие другие интеллектуалы и художники, получившие образование при старом режиме, были уверены, что бытовые лишения и преследования являются необходимыми условиями для «рождения нового мира». Эмиграция, бегство в безопасное пространство «старого мира» были для них равнозначны культурной смерти. Борис Пастернак тяжело переживал разлуку с семьей, но считал, что только в «новой» России можно создавать подлинно новые формы культурной выразительности. Мечтания о новой России, сформулированные во множестве идеологических конструкций от евразийства до «сменовеховства», побудили многих образованных русских эмигрантов после окончания Гражданской войны вернуться в Советскую Россию для участия в великом эксперименте. Яркий пример этого явления — Дмитрий Святополк-Мирский, до революции князь и сын министра внутренних дел, блестящий знаток русской литературы, ровесник Пастернака. Он сражался с большевиками в рядах Белой армии и после ее поражения в 1920 году покинул Россию. В 1932 году, проведя несколько лет в университетах Британии, Франции и США, он вернулся в Советский Союз убежденным сторонником коммунистического проекта. Он писал: «Эмигрант-интеллектуал, желающий оставаться живым, должен либо потерять национальность, либо в той или иной форме принять революцию»⁵.

Однако вместо новой России появился Советский Союз, тоталитарная полиэтническая империя. С утверждением безраздельной власти Сталина в начале 30-х годов официальной терпимости к культурной автономии и плюрализму был положен конец.

Сталинский режим полностью переформатировал научную и академическую среду. Писателям и журналистам вменялась задача создавать мифологию «освобожденного труда», замалчивать или оправдывать террор против крестьянства, повальный голод и построенную на труде раскулаченных и сосланных людей экономику⁶. Сталин стремился в конечном счете поставить под тотальный контроль все содержание и все направления интеллектуального и культурного производства. Все работающие в сфере культуры, образования и науки люди в созданной режимом системе категорий стали считаться «советской интеллигенцией». Мобилизация интеллектуальных и культурных ресурсов на службу режиму, их использование для подготовки страны к войне, для воспитания населения в духе жертвенности и лояльности государству — все это стало для Сталина приоритетом наряду с индустриализацией, тайной полицией, борьбой с «пятой колонной» и созданием современной армии.

Идеалы саморазвития и самосовершенствования через культуру, интеллектуальный труд и приобретение научных знаний стали официальными требованиями для всех советских граждан. Люди науки, литературы и искусства должны были подавать пример и пропагандировать эти идеалы (разумеется, под руководством партийных вождей)⁷. Взамен государство гарантировало образованным профессионалам доступ к дефицитным товарам — в полуголодной стране это были в первую очередь продукты питания. В 1934 году по указанию Сталина были созданы так называемые творческие союзы — поддерживаемые государством организации литераторов, музыкантов, художников, архитекторов, кинематографистов и театральных деятелей. Одновременно с этим ученые и исследователи были объединены в академии и научные институты, которым государство также оказывало содействие. Литература, некогда «учитель жизни» для интеллигенции и народа, стала важнейшей опорой сталинского храма искусств. Сталин льстил писателям, называл их «инженерами человеческих душ». С присутщим ему ковар-

ством вождь позволил писателям самим выстроить для себя интеллектуальную и эстетическую тюрьму. Максим Горький был назначен архитектором культурной доктрины социалистического реализма, с большой помпой провозглашенной на Первом съезде советских писателей в 1934 году. На деле эта доктрина очень скоро стала отражением личных вкусов и предпочтений вождя. Новаторские формалистические поиски авангарда были отвергнуты как «антинародные»: государственное искусство должно быть доступно массам, продвигать советский патриотизм и готовить народ к неизбежной будущей войне. Все участники советского культурного проекта были вынуждены аплодировать непогрешимым сталинским суждениям о произведениях культуры и искусства⁸.

Сталинская власть и ее цензура полностью прополола русскую культуру, выкорчевав из нее все, что считала «реакционным» и просто ненужным. В то же время режим присвоил и ввел в советский «пантеон» величайшие фигуры классической русской культуры, от Пушкина до Толстого и Чехова, а также некоторых представителей революционного авангарда, как, например, поэта Владимира Маяковского. Пиром во время чумы выглядело празднование всей страной в 1937 году, в разгар сталинского террора, 100-летия со дня смерти Пушкина. Каждый город, каждый колхоз, каждый завод или фабрика, даже небольшие мастерские и магазины должны были чествовать юбилей поэта-аристократа лекциями, чтениями и концертами. Государственный культ Пушкина указывал на лингвистические и эстетические нормы, которые должны были сделать социалистический реализм родным языком для миллионов⁹. В принятой годом раньше, в 1936-м, новой советской Конституции было записано, что всякий, имеющий высшее образование или занятый интеллектуальным трудом, относится к советской интеллигенции, некоей смутно определяемой «прослойке» в сталинском социальном пироге, — между рабочими и колхозниками. Кооптация государством образованных слоев, интеллектуалов и художников — вместе с их творческой и соци-

альной средой, их культурными символами и их языком — достигла апогея.

Поле выбора для интеллектуалов и творческих людей сузилось до предела. Даже в 20-е годы им приходилось выбирать между сотрудничеством с победившей революцией и поиском культурных ниш вне публичной сферы, встречаясь в кружках, где жил дух свободной дискуссии и культурной свободы. Первый вариант предполагал вынужденное превращение в «попутчиков» режима, то есть отказ от культурной независимости как акт оппортунизма. Путь этот был скользким, зачастую он вел к сотрудничеству с НКВД и осуждению со стороны бывших товарищей и коллег. Второй вариант означал интеллектуальную и художественную маргинализацию, нищету, забвение и в конечном счете гибель. Осознание неотвратимости такой дилеммы привело к волне самоубийств в среде творческих людей, еще недавно считавших русскую революцию синонимом культурного и духовного освобождения.

Сталинскому режиму удалось довольно успешно инкорпорировать во вновь созданные профессиональные гильдии немало людей из дореволюционной образованной среды. Многие предпочли работу и гарантированный достаток безработице и голоду, забвению, насильственной смерти или эмиграции. Вознаграждение за участие в советском культурном проекте было существенным. Государство кормило и одевало советскую интеллигенцию, поставив ее на престижное место в системе распределения материальных благ. Сталинские творческие союзы предоставляли их членам уникальные привилегии в то время, как миллионы советских граждан жили в нищете, а то и впроголодь. Во времена всеобщей нехватки еды входящие в эти союзы писатели, художники, композиторы и ученые получали улучшенное продовольственное снабжение, бесплатные путевки в союзные дома отдыха и пансионаты, питались в закрытых для широкой публики ресторанах по номинальным ценам. Самые преданные и успешные, порой даже талантливые, получали огромные денежные премии, дачи,

автомобили с водителем и доступ к государственным «кормушкам»-распределителям¹⁰.

Сталин, при всей его варварской жестокости, апеллировал к идеям революции, к мечте нескольких поколений русской левой интеллигенции о социальном и культурном преобразовании России. Вождь не только поставил революционную идеологию на службу деспотизму, но и манипулировал ценностями интеллигенции, среди которых были жажда самосовершенствования, служение общественному благу и вера в неизбежность исторического прогресса. Альтернативы вступлению в ряды советской интеллигенции были настолько мрачны, что на них отваживались немногие. Маргинализация означала фактическую творческую смерть, невозможность работы и общественного признания. Многие представители старой интеллигенции, оглоушенные масштабом и размахом сталинского «великого перелома», позволили затянуть себя потоку истории — и невольно оказались на службе режиму. Кто-то был вынужден сотрудничать с госбезопасностью, стал ее информатором. Некоторые даже рассмотрели в Сталине гегелевское воплощение безжалостного исторического прогресса. Культурная жизнь Советского Союза в 1930-е годы напоминала движение эскалаторов в только что открытом московском метро. На идущем вниз стояли изверившиеся, разбитые, смирившиеся со своей жалкой участью. На идущем вверх толпились люди амбициозные, полные надежд, оптимизма и самодовольного идеализма¹¹.

Большой террор 1930-х годов стал для интеллектуалов и творческих людей переломным моментом: страх и логика выживания сконцентрировались до предела, вытесняя другие побуждения и амбиции. В ловушке оказались даже те, кто горячо приветствовал революцию и составлял большевистскую верхушку и ее челядь в годы военного коммунизма, НЭПа и в начале сталинского «перелома». Места для нейтральных попутчиков практически не осталось. Режим требовал личного одобрения террора от каждого без исключения члена советской интеллигенции — будь то в форме гневных обличительных речей на собраниях или

подписи под опубликованным в печати коллективным письмом с осуждением «врагов народа». В страхе перед арестом, допросом и пытками тысячи людей уничтожали свои архивы, сжигали дневники, вырезали и вымарывали фотографии в книгах. Архивы НКВД и КГБ, в которых хранятся личные дела, по-прежнему закрыты, но можно с уверенностью предположить, что практически на каждого деятеля науки, образования, культуры, на каждого инженера и врача там лежит папка с доносами. Это было время, когда люди, когда-то воспитанные на религиозной или общественной морали, буквально пожирали друг друга, жертвуя коллегами во имя собственного выживания. Любой, у кого в семье были представители бывших классов, то есть дворянства, духовенства, купечества или даже крепкого крестьянства («кулаков»), не мог чувствовать себя в безопасности. В 1928 году Дмитрий Лихачев, студент Ленинградского университета, был арестован за принадлежность к философскому кружку, где обсуждалась древнерусская культура и судьбы гонимого советской властью православия. После двух лет в Соловецком концлагере и на «исправительных работах» по строительству Беломорского канала ему позволили вернуться в Ленинград. Зная о своей неблагонадежности в глазах «органов», он устроился на самую незаметную должность корректора в издательстве Академии наук. Все сотрудники там были из «бывших», не сумевших найти себе лучшей работы. После убийства Кирова в 1934 году Лихачев узнал от женщины из отдела кадров, что она составляет список сотрудников дворянского происхождения и что он в списке. Это была ошибка: Лихачев не был дворянином. Он предложил женщине деньги, чтобы она перепечатала весь список, и таким образом спас себе жизнь. Все, кто числился в списке, бесследно исчезли. В 1938 году Лихачев стал работать в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) в Ленинграде. Там он столкнулся с «апокалиптической» атмосферой взаимного предательства, где достойных людей можно было перечесать по пальцам¹².